Галина Одинцова

Родилась в Спасске-Дальнем. Отец – лётчик-испытатель. Поэтому жили во многих городах России. Педагог. Работала в органах образования в Москве, Алма-Ате: в Городском отделе народного образования, институте усовершенствования учителей, завучем в школе, читала лекции по руководству и контролю для директоров школ Казахской ССР. Учитель-методист, имеет научные труды по организации работы с шестилетками, по организации руководства и контроля в школе, автор методической литературы по развитию речи, обучению грамоте, навыкам скорочтения. Руководила первой в СССР авторской школой по раздельному обучению мальчиков и девочек в условиях смешанной школы в Алма-Ате. В настоящее время – Председатель Амурского регионального отделения РСП. Автор трёх книг стихов и прозы, финалист премии «Наследие», лауреат премии «Писатель года – 2017» в номинации «Мемуары».

Судьба

Первое января. По телевизору традиционный фильм «Ирония судьбы...», на ёлке разноцветные лампочки, на столе традиционные оливье и селёдка под шубой, за окном кружится новогодний снег. Всё привычно, традиционно, как много лет подряд. Только в этом году нет желанного шума в доме, детского смеха и топота, нет гостей. Большой гостеприимный стол выглядит виноватопустым, а две салатницы на нём кажутся лишними и абсолютно неуместными.

– Садись, давай хоть поужинаем, а то нетронутыми наши деликатесы так и останутся. Готовили же, резали, крошили, украшали. Теперь всё это надо съесть.

Женщина не спеша сервировала стол: две тарелки, два фужера, шампанское.

– А ты знаешь, в детстве я чуть не утонул!

– Сколько тебе было лет?

– Лет семь.

– Вот, видишь, как всё в этой жизни устроено: ты тогда ещё и не знал, что где-то, в семи тысячах километрах от тебя растёт девочка, которая сделает тебя счастливым. Ты её нашёл. Она родила тебе детей. Дети – внуков. И прожил ты с ней почти полвека счастливо. Вот поэтому и не утонул.

– А сегодня мы совсем одни...

– Не грусти. В этом году дети далеко от нас. Но на следующий год мы обязательно будем вместе. Обязательно! Новогодние желания всегда сбываются. Вот увидишь, не грусти, дорогой! Всё будет хорошо! Какие наши годы!

За окном традиционно падал снег. По комнате витала музыка Таривердиева. По телевизору шёл традиционный фильм, без которого новый год уже и не наступал:

– Пока жива, с тобой я буду –
Душа и кровь нераздвоимы, –
Пока жива, с тобой я буду –
Любовь и смерть всегда вдвоём.
Ты понесёшь с собой повсюду –
Ты понесёшь с собой, любимый, –
Ты понесёшь с собой повсюду
Родную землю, милый дом...

С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!

Стечение обстоятельств

Не спалось. Рассвет набирал силу, бессонная ночь уходила прочь, а тревога так и не рассеивалась. Варвара Павловна не стала мучиться, пытаясь заставить себя хотя бы на часок улететь в царство Морфея. Прикрыла в спальне дверь, чтобы не мешать досматривать утренние сновидения мужу. Вышла на балкон. Дворник размахивал метлой, абсолютно не обращая внимания на результат своего труда. Для него был важен сам процесс. Он выполнял

свою работу. Он был на работе. Варвара Павловна покачала головой и вернулась в квартиру. Когда-то здесь было шумно и тесно. Дети, внуки, частые гости из области, друзья по праздникам – всё было. Никто никому не мешал, не теснил. Пришло время – все разъехались, устроили свои жизни в столице, за границей, в других городах. Наступили тихие времена, а общение с детьми и родственниками только по телефону, да по скайпу.

Проснулся муж и сообщил, что едет с соседом по гаражу на рыбалку. Попросил собрать сумку с провизией, да не забыть про бутылочку водочки, уже начатую, но этого хватит с соседом посидеть у озера, да байки друг другу «потравить». Варвара исполнила просьбу мужа. И попросила долго не засиживаться у воды. Что-то неважное у неё настроение, что-то тревожит её душу. Муж обнял жену, прижал крепко, поцеловал, да и попросил «не городить ерунды». Вечно она что-то придумывает. И, обязательно, на дорогу. Жена помогла мужу надеть рюкзак, подала удочки, вышла на балкон и долго смотрела вслед. За пару шагов до поворота – незаметно перекрестила его спину и вернулась в комнату.

Делать ничего не хотелось. Видимо, бессонная ночь сказывалась. Чтобы разогнать тоску, позвонила своей давней подруге. Давно не общались, всё дела какие-то. Хотя в молодости почти не расставались, радости и горести делили пополам, выручали друг друга, радовались счастью и горевали в беде. Трубку долго не брали. Ответила дочка: «Мама спит. Ночью была скорая, сбивали давление».

Стало не по себе. Как будто своим звонком помешала, нарушила чей-то покой. Больше никому звонить не стала. Заварила чай. Долго держала чашку в руках, не замечая, что чай остыл, что он налит, и с ним надо что-то делать.

Достала овощи из холодильника, налила в кастрюлю воды, поставила на плиту. И удивилась – зачем такую большую кастрюлю взяла, как будто в доме будут гости. Улыбнулась своей оплошности, но ничего менять не стала. Раз так вышло, значит – так надо. Начала варить борщ. Вспомнила, как её борщ любила большая семья, с каким удовольствием собирались все за круглым столом, расставляли тарелки, резали большими кусками хлеб, потому что хлеб к борщу любили все. Традиционно – хлеб подавала хозяйка. Это было нерушимое правило, никто не пытался заменить Варвару – подать блюдо с хлебом вместо неё. И так было всегда – если борщ, значит, хлеб подаётся на большом блюде, его должно быть много! Блюдо с хлебом всегда ставилось в центре стола. А к концу обеда там – только крошки.

Воспоминания унесли Варвару в прошлое, она и не заметила, как начистила картошку, морковку, свёклу, нарезала соломкой капусту, много, так же, когда готовила обед для большой семьи.

Приготовление борща улучшило её настроение, она всё делала с удовольствием, даже начала мурлыкать под нос весёлую песенку. Бульон получился наваристым, прозрачным, хозяйка не пожалела мяса, положила хороший кусок. Варвара Павловна не заметила, как промчалось время. Взглянула на часы – час дня! Это ж как она увлеклась, что и не заметила, как промчалось полдня. Борщ готов. Посыпала зеленью и накрыла крышкой, чтобы настаивался. Она всегда так делала – не перед подачей на стол сыпала в борщ травы с растёртым чесноком, а уже в самом конце, чтобы приправа распарилась, отдала все свои запахи и вкус в горячий бульон.

Настроение было замечательным. И тут Варвара вспомнила про сметану! Сметаны к борщу нет! А без свежей сметаны разве можно садиться обедать? Конечно, нет. Раньше, если вспоминали про сметану даже перед тем, как садиться за стол, отставляли обед, выбирали самого быстрого посыльного в магазин.

Варвара Павловна переоделась, взяла сумку и с удовольствием отправилась в магазин. Но не в ближний. А в хороший супермаркет, где всегда всё было свежим, и выбор в нём был намного богаче. Решила взять сметаны самой большой жирности. Зять очень любил намазывать густую сметану на толстый кусок хлеба, посыпав сверху этот бутерброд зеленью с чесноком.

Настроение было настолько замечательным, что она решила поделиться им с сыном. Сегодня ещё не было разговоров ни с детьми, ни с внуками. Увлеклась приготовлением, что и не подумала никому звонить. Набрала номер. Длинные гудки оборвались. И тут же пришло сообщение: «Перезвоню позже. Совещание».

Варвара вздохнула, прочитала ещё раз сообщение. Она понимала, что сын на важной работе, а тут она со своим борщом. Конечно, было бы не к месту делиться такой незначительной новостью – мама сварила традиционный борщ. Ей даже самой стало смешно. Надо же – нашла, чем хвастать!

Зашла в супермаркет. Там было прохладно и безлюдно. Походила между полками, восхищаясь изобилием разных товаров. Почитала ценники, покачала головой и двинулась в молочный отдел.

Сумка получилась тяжёлой. Куда столько продуктов? Никогда она так не расслаблялась. Что им вдвоём с мужем – каша, да супчик. Своего магазинчика хватало для таких «деликатесов». А тут разошлась – и то захотелось, и то приглянулось. Присела на скамейку в парке. Достала телефон. Набрала номер дочки. Дочка ответила и сказала, что перезвонит вечером, сегодня такой день, что и поговорить некогда. Отключилась. Варвара не успела даже слова произнести. Слова так и застряли в горле, так и вертелись на языке. Но… произнести их не удалось. Сжалось сердце, заныло, обида встрепенулась внутри, пытаясь вырваться наружу градом слёз. Варвара Павловна подняла сумку и побрела домой. Дома поставила сумку у дверей. Дальше проходить совсем не хотелось. Решила мужа ждать на скамейке у дома.

«Телефон находится вне зоны действия сети…» Вот. И муж вне зоны. Никому нет дела ни до неё, ни до её борща. Что с ней? Какой борщ, что за дурь такая – варить борщ в огромной кастрюле на десять человек! С какой стати она придумала это! Ей стало стыдно за свой неоправданный поступок. И она решила пойти немедленно домой и вылить приготовленную еду в унитаз, пока муж её не высмеял. А у него это получалось довольно виртуозно.

Наступал вечер. Усилился ветер. И неизвестно откуда налетели тучи, начинался дождь. Варвара приподнялась со скамейки…

– Мы ничего не можем вам обещать. Надо время, чтобы понять, что будет дальше. Приходите завтра. Нет, к ней нельзя.

Большая семья толпилась у дверей реанимации. Сегодня утром все были в сборе. Все. Как и раньше. Осталось только поставить на стол большое блюдо с толстыми кусками нарезанного хозяйкой хлеба… Но Варвара Павловна уже не сможет этого сделать. Никогда.

Запах одиночества

Утро, семь часов двадцать минут. А в городе темно, тихо, пусто. Нет привычной будничной суеты: торопящихся на работу людей, не слышно полусонно плачущих детей, которых мамочки тянут за руку в детский сад, учеников, грустно плетущихся в школу, не видно и машин. И никакого другого транспорта тоже не предвидится. Марина Петровна, как первопроходец, торопливо протаптывает дорожку по свежему снегу, который шёл всю ночь. И сейчас порхает, кружится, садится на шубку, щекочет лицо, путается в ресницах. Снег сегодня особенный – праздничный, новогодний. Второй день Нового года! Город спит. А она торопится на дежурство. В поликлинику. Марина Петровна – врач-терапевт. Молодой специалист. В этом небольшом городке всего полгода. Ни друзей, ни подруг близких у неё нет. Новый год в чужом городе девушка встретила одна. У телевизора. И на дежурство в праздничный день согласилась с радостью, чтобы не сидеть опять целый день дома, просматривая все программы подряд. Одна, в съёмной квартире. Дверь в поликлинику открыта. Охранники громко смеются, обсуждая прошедший новогодний праздник. У них – пересмена. Они веселы и беспечны, у них столько новостей – есть о чём рассказать и посмеяться.

– С праздником, Марина Петровна! Как встретили Новый год? – в один голос приветствуют её весёлые охранники.

– И вас тоже! Всё замечательно! Рада вас видеть! – Марина топала у порога, стряхивая снег с подошвы сапожек, сметая рукавичкой снег с шубки, с шапочки. Немолодой охранник поспешил к Марине, помог снять шубку и, стряхнув снег, подал её хозяйке!

– Мариночка, а какое самое надёжное средство, чтобы голова после праздника не болела?

– Меньше пить! – засмеялась Марина и поспешила к кабинету дежурного врача. В поликлинике тихо и пусто. Нет привычной суеты, толкотни у регистратуры.

– Мариночка! У меня чай поспел, – голова тёти Маши показалась из окошка регистратуры. Она смешно вертела ею, привычно, по-хозяйски, осматривая пустой коридор. – А тише нельзя, ржёте на всю больницу! – беззлобно прикрикнула на охранников и скрылась.

– Хорошо, тётя Маша! Сейчас прибегу!

Марина повесила шубку в шкаф, надела белый халатик, подошла к окну. За окном темно. В доме напротив ещё спали. Светилось только одно окно, в котором маячил силуэт. Человек тоже смотрел в окно. Марина приветливо помахала рукой, рассмеялась, достала из сумки пачку печенья и направилась к тёте Маше пить чай. В дверь тихо постучали.

– Войдите, – ответила дежурный врач, убирая пачку печенья обратно в сумку. Дверь медленно открылась и на пороге появилась старушка с пальто в руках.

– Прости, дочка, гвардеропа не работает, вот пальтецо с собой прихватила, за дверью не стала оставлять, сопрут ведь, там два амбала так хохочуть, что уши заложило!

– Ничего, ничего, давайте ваше пальто, я его вот здесь, на стуле, пристрою.

Пальто было тяжёлым, потрёпанным, с цигейковым вытертым воротником. Оно пахло сыростью, валерьянкой и одиночеством. Марина знала эти запахи одиночества. Так пахли вещи её бабушки, которая жила в деревне совсем одна. И, приезжая изредка в гости, Марина их ощущала. Бабушка была упрямой и никак не хотела переезжать к дочке в город. Как бы её не уговаривали дочка с внучкой.

– Что у вас случилось? Рассказывайте.

Марина помогла бабуле развязать платок, которым она была обвязана вокруг пояса. Пододвинула стул поближе к столу, помогла присесть.

– Ой, доча, давит меня! Так давит вот тута, в груди. Дышать не можно! Особенна по ночам. Не сплю, боюся чевой-та всё! – Бабуля достала из кармана вязаной кофточки платочек, вытерла навернувшиеся слёзы и дрожащей рукой засунула скомканный платок опять в кармашек.

– Не надо волноваться, давайте-ка всё по порядку. Но сначала померим давление, послушаем сердечко, поговорим... Давно у вас так?

– Давно, детка, давно...

– А раньше к врачам обращались?

– Обращалась. Лекарствов навыписывают, а вони ничё не помогают! Вот у людей праздник, Новый год, а я места не нахожу себе.

Открылась дверь. Тётя Маша шумно вошла в кабинет, положила на стол карточку пациентки, неприветливо зыркнула на неё, пробурчав:

– И в праздники не сидится им дома! Дали бы врачам отдохнуть! Марина Петровна, чай там стынет! Я жду вас! – вышла, громко захлопнув дверь.

– С кем живёте? Никто не обижает вас?

– Не-е-е! Кому ж обижать-то. Одна я одинёшенька, никого нет у меня, – всхлипнула старушка.

– И детей нет?

– Есть! Сынок! В Москве живёт. Граматна-а-ай! Служба у него высокая! – старушка повеселела, глаза заблестели, щёки зарумянились, заулыбалась щербатым ртом женщина, приосанилась.

– Квартира большая у него, рассказывал, что и для гостей комнатка имеется, во!

– Давно одна-то живёте, Лидия Михайловна?

– Давно! Годков десять уже. Сынок как уехал в Москву, так однажды только

и прилетал, вещички свои кое-какие подсобрал, денег дал на новый холодильник. Так и лежат денюжки его. Зачем он мне новый одной-то! Туды и класть нечево. Чё мне надо? Молочка немного, да колбаски чуток. А денежки внучику берегу. Вот как приедет в гости, так и подарю ему. С пенсиев добавляю по сотенке, вот и копится подарочек! Обрадывается внучик! Он уже в школу пошёл! Ни разочку так и не видела его. Фоту прислали – такой красавец, копия мой сынок! – Старушка опустила голову, достала платочек из кармана старенькой залатанной кофтёнки, протёрла глаза, зажала в кулачке платочек и покачала головой.

– Так. Лидия Михайловна, давление у вас неплохое для вашего возраста. Кардиограмму давно делали?

– Да не, недавно. В том месяце была у квардиолога.

Марина полистала карточку больной. Почти каждую неделю – посещение какого-нибудь «узкого» специалиста. Анализы все в норме, кардиограмма – соответствует возрасту. Невропатолог тоже отписался, назначив лечение транквилизаторами. Всё так, как положено в этом возрасте.

– Квардиолог так и сказала – покой нужен и отдых... – старушка всё тараторила и тараторила, рассказывая о своих болезнях, о своём одиночестве, о своих походах к врачам, которые так невнимательны к ней и лекарства не те прописывают, и слова не те говорят.

Дежурный терапевт слушала, кивала головой в такт словам старой женщины, сделала записи в карточке пациентки, выписала рецепт.

Тётя Маша ворвалась в кабинет:

– На каждого пациента положено пятнадцать минут, а вы тут уже больше часа, больная! На очереди следующий пациент, – гаркнула медсестра и бросила карточку очередного больного на стол.

Марина подала рецепт на поливитамины, посоветовала бабушке пропить их курсом, чтобы укрепить иммунитет и продолжила приём больных. Все больные были людьми старыми, одинокими, разговорчивыми. Через пару часов зашла к тёте Маше со своей пачкой печенья, чтобы, наконец-то, попить чайку.

– Ну что ты с ними возишься, Мариночка! Они из больниц не вылазят, всё ходят и ходят! Делать им нечего!

– Тетя Маша, они такие одинокие! Им дома и поговорить-то не с кем...

– Вот именно! Не с кем! Вот и идут по врачам! Ох, Марина! Все мы одиноки! Все! Даже если с нами кто-то рядом, который не любит нас, мы тоже одиноки! Без любви все одиноки! Всех не пожалеешь! Тут уже ничего не поделаешь!

Марина возвращалась домой, когда совсем стемнело. На улице по-прежнему пусто. В окнах загорается свет. За окнами шумно и весело. В её квартире пусто и одиноко.

– Мамочка, ты как там? – в очередной раз за этот день Марина звонила маме, которая находилась так далеко от неё.

– Маришка! Всё хорошо! Вот соседка Лена пришла, испекли пирог с капустой, чай пьём! С Новым годом, дочка! Всё у меня хорошо, не переживай!

Марина легла на диван, закуталась в тёплый плед. Слёзы катились градом, подушка намокла. Марина резко перевернула её, и лёгкий ветерок коснулся лица. Запах. Знакомый запах одиночества витал рядом с ней. До боли в сердце он был знаком ей, этот чуть уловимый горький запах.

В чувство девушку привёл звонок в дверь. Марина машинально подскочила и открыла её, даже не спросив, кто там.

– Маринка! Маринка! Я не смог взять билет на 31-ое число! Я – новогодний подарок для тебя! Я – сюрпри-и-из! Маринка!

Марина стояла на пороге и ничего не понимала. Её любимый примчался из далёкого города, а она, как дура, стояла на пороге съёмной квартиры и плакала. Вдруг девушка почувствовала, как тонкая струйка лёгкого ветерка с терпким запахом, выскользнула из комнаты за дверь. И исчезла. Улетела, унося этот скверный, мучительный запах одиночества. Наконец-то, у Марины начинался праздник. Новый год!

Ожидание

Первый день зимы пришёл. Она ждала его долго и упрямо. Ровно год. Год. За этот год кончилась зима. Наступила весна. Весна была короткой. Необыкновенно короткой. И она подумала, как хорошо, что в этом году так быстро промчалась весна. Осталось пережить жаркое лето и осень. И наступило лето. Пусть не календарное лето, но, всё же, уже не весна. Но лето тянулось долго. Наверное, потому, что было сырым, было слякотным, было дождливым. Солнечных дней почти не было. Оно больше походило на осень, чем на лето. Поэтому приход осени её нисколько не тронул. Она даже не заметила, в какой день природа начала менять краски. Она ничего не замечала вокруг. Мир вокруг неё перестал существовать. Она ждала. Ждала. Готовилась к важному дню. Сколько же сил пришлось потратить в ожидании, сколько раз она себя успокаивала, уговаривала, обещала себе, что всё это не зря! Надо пережить. Пережить этот год. Дождаться первого дня зимы. Дождаться…

Первый день зимы пришёл. Она встретила его приход, стоя у окна. Убывающая луна на тёмном небе была такой же одинокой, как и она. Накануне в интернете прочитала, что убывающая четвёртая фаза луны – подходящее время для важных начинаний. Отличное время для новых планов. В это время хорошо избавляться от всего ненужного, мешающего жить полноценно. Полной грудью. Она верила этим прогнозам. Только нужно проявить терпение, нужно дождаться минуты, с которой должно всё начаться иначе.

Она не помнит, пришлось ли ей уснуть. Ей казалось, что нет. Мысли, даже если она спала коротко, не давали покоя. Только рассвело, встала. Приняла душ. Делала всё машинально. Автоматически. Налитый в чашку чай так и остался нетронутым.

Первый день зимы был очень зимним. Ветер не давал двигаться быстро. А ей хотелось бежать. Скорее. Скорее. Но этого не получалось.

Наконец-то она у этой двери. Она помнит каждую царапину на ней, каждую трещинку, а их стало ещё больше. Дверь постарела. Она это заметила сразу же, как только подошла к ней. И никому эта больная дверь не была нужна. Никто и не подумал за ней поухаживать, пожалеть её. Сколько же слёз было пролито возле этой двери. Как она боялась сейчас прикоснуться к ней и войти туда. Туда. Где решалась её судьба.

– Девушка, если вы не заходите, то отойдите. Не мешайте людям. А то стоите тут, не двигаясь. Ну!

И она вошла.

– Ну, что ж, поздравляю. Мы снимаем вас с учёта. Вы молодец. Вы абсолютно здоровы. Но! Ровно через год, первого декабря, вы должны…

Но она уже ничего не слышала. Она мчалась. Она летела. Зимний ветер подгонял её в спину. И ей казалось, что она сейчас взлетит. Взлетит от счастья туда, куда готовилась весь год. Только этот путь будет совсем иным.